

РОССИЙСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В СТРАНАХ ЕВРОПЫ

И.В. Лебедева, О.К. Антропов
(Россия, Астрахань)

В данной статье авторы рассматривают феномен возникновения российского культурного наследия за рубежом, сравнивают специфику культуры эмигрантов первой и четвертой волны.

The authors consider a phenomenon of occurrence of the Russian cultural heritage abroad and compare specificity of culture of emigrants of the first and the fourth wave.

Ключевые слова: культурное наследие, русскоязычная речь эмигрантов, культура российского зарубежья, чужое, заимствования, сохранение культуры.

Key words: cultural heritage, Russian-speaking speech of emigrants, culture of the Russians abroad, "alien", linguistic borrowing, preservation of culture.

Культурное наследие России в зарубежных странах представлено, в первую очередь, культурой первой волны эмиграции. К революции 1917 г. русская культура представляла собой итог сложного и длительного пути. Ее отличительными чертами являются народность, гуманизм, любовь к Отчизне. Богатейшее культурное наследие дореволюционного времени, веками создававшиеся культурные ценности составляют золотой фонд отечественной культуры.

«Русская культура XIX и начала XX вв. имеет всемирное значение. Следует отметить, что национальная культура приобретает известность во всем мире только тогда, когда ценности, развитые в ней, становятся достоянием всего человечества... Русская культура в том виде, в каком она существовала до большевистской революции, несомненно, также имеет всемирное значение» [2, с. 19]. Так писал Н.О. Лосский, известный русский философ, констатируя факт утраты для советской культуры мирового признания в результате преднамеренного отторжения большей части русской дореволюционной культуры от общенациональной.

Осенью 1922 г. из Советской России по инициативе Ленина была выслана большая группа ученых (160 человек) – «интеллектуальная элита», в том числе философы, историки, социологи, теоретики кооперативного движения, математики. Творцы отечественной науки были высланы за то, что не приняли марксистские догмы и большевистскую практику. Ленин понимал, что пока в России есть неординарно мыслящие люди, не может быть и разговора о марксизме как о всеобщей, «единственно верной», тоталитарной, господствующей идеологии. Большевикам была нужна своя пролетарско-крестьянская интеллигенция, в том числе творческая, лояльная, послушная. Высланные ученые пополнили ряды российской интеллигенции за рубежом и значительно обогатили культуру Российского зарубежья.

Российская эмиграция представляла собой этнокультурную общность, базировавшуюся на традициях и канонах русской национальной культуры, и именно она стала фундаментом, на котором возник и утвердился феномен Российского зарубежья. Когда на родине запрограммировано, методически вытравливались русские традиции, национальное самосознание, русская эмиграция приняла на себя патриотическую миссию – сохранить память о дореволюционной России, развивать национальную культуру, полнокровно продолжать духовную жизнь своей нации, уберечь себя как этнос.

Эмигрантская интеллигенция осознавала ответственность перед историей за свою миссию на фоне событий и процессов, происходивших в СССР. Незыблемым девизом русской творческой интеллигенции являлось сохранение самобытности национальной культуры. Эти люди надеялись, что после падения большевизма в новой России смогут продолжить творческую традицию «серебряного века».

Свободное творчество Российского зарубежья во все времена своей непродолжительной истории не прерывало связи с родиной. Труды философов и богословов, окрашенные в национальные тона, статьи политологов и публицистов, произведения писателей и поэтов, художников и композиторов, пропитанные национальным духом, обнародованные за пределами России, – все наполнено переживаниями о скорбях и болях Отчизны, думами о путях ее выздоровления.

Вневременным связующим фактором для российской эмиграции являлась «русская идея» – особый тип русского самосознания. Она открывала путь к единению для эмигрантов всех национальностей и вероисповеданий. Именно «русская идея» послужила основой для объединения Российского зарубежья, стала духовным домом для многих в «рассеянии», лишившихся Родины, не твердых в вере, потерявших цель в жизни. «Русская идея» была той концепцией, которая могла противостоять безликому, искусственному интернационализму, упорно насаждавшемуся в СССР. Благодаря верности национальным традициям и идее, отечественной истории и культуре, российская эмиграция нередко создавала в зарубежье особый общественный климат, который влиял на формирование различных течений общественной мысли в эмигрантской среде, особенно во Франции, на европейское мышление.

Существует богатейшее литературное, историческое, философско-религиозное, публицистическое и эпистолярное наследие русской эмиграции, книги, написанные эмигрантами и зарубежными учеными о первой волне российской эмиграции и ее выдающихся деятелях. Ведь такие знаменитые личности, как И.И. Сикорский, Н.А. Бердяев, П.А. Сорокин, П.Н. Милуков, С.В. Рахманинов, Ф.И. Шалапин, Н.К. Рерих, – каждый выразитель целого направления в науке, общественной мысли и искусстве. Однако смысл этой истории становится понятным после того, как российское культурное пространство стало обретать целостность.

Восстановление исторической памяти русского народа невозможно без возвращения истории культуры Российского зарубежья. Изучение культурного наследия эмиграции чрезвычайно актуально. Перед нами уникальный опыт «живучести» национальной культуры, требующий осмысления с точки зрения его сегодняшнего восприятия в России и в странах ближнего зарубежья, где проживают миллионы русских людей.

Культурное наследие первой волны эмиграции представляет для науки и общества большой интерес и ценность, так как явилось значительным вкладом в российскую и мировую культуру. Это богатство, которое соотечественники сберегли для потомства, давно стало предметом исследований зарубежных ученых. В 1990 г. на Западе на английском языке в издательстве Оксфордского университета вышла книга Марка Раева «История культуры русской эмиграции. 1919–1939». В России она была издана в 1994 г. (Москва: «Прогресс-Академия»). Это первая в нашей стране монументальная работа о российской эмиграции, в которой она рассматривается в историческом и историко-культурном аспектах.

Интерес в СССР к судьбам наших соотечественников за рубежом и их культуре заметно возрос со второй половины 1980-х гг., в период горбачевской оттепели. С этого времени многое стало меняться во взглядах россиян на свое историческое прошлое, в том числе на российскую эмиграцию, особенно в научной среде. После разрушения искусственных преград на книжный рынок стали поступать переизданные в стране произведения русских эмигрантов. Это движение регулировалось не партийными идеологами, а повышенным интересом читателей к культурному наследию соотечественников за рубежом. В конце 1980-х гг. в советском литературоведении стали появляться исследования, посвященные эмигрантской художественной литературе, книги и статьи о русских писателях-эмигрантах, их творчестве.

В истории культуры Российского зарубежья ведущее место занимают культурные центры эмиграции в Берлине, Париже, Праге, Белграде, Харбине, Шанхае и других крупных городах. Здесь создавались научные и учебные заведения, многочисленные эмигрантские издательства. Русские ученые устанавливали контакты с зарубежными коллегами, трудились над осуществлением совместных научных замыслов, преподавали в русских и зарубежных учебных заведениях. В этих центрах сосредотачивалась эмигрантская творческая интеллигенция: писатели, артисты, музыканты, художники. В этих городах аккумулировалось культурное наследие российской эмиграции, создавались архивы, музеи, библиотеки.

Культурные центры стали, с одной стороны, хранителями культурных традиций, особенно тех, которые на родине большевики окрестили атрибутами антипролетарской культуры, буржуазными предрассудками, идеологическими вылазками либера-

лизма и т.п., и отвергали, а с другой, – вырабатывали альтернативные существующим в СССР пути развития общества. Центры имели определенную структуру и целенаправленность деятельности. На первом месте, безусловно, была организация образования детей и молодежи.

Постановка обучения и воспитания подрастающего поколения является одним из основных критериев культурного уровня общества. Стабильность образования детей создавала некоторый социальный и психологический комфорт, помогая адаптироваться в новых условиях. Поэтому, заботясь об обучении и духовном воспитании молодого поколения, эмигранты уделяли много сил созданию школ и высших учебных заведений, которые по названиям, структуре, содержанию образования и педагогическим процессам воспроизводили дореволюционные школы и вузы.

Марк Раев, принадлежащий к младшему эмигрантскому поколению историков Российского зарубежья, пишет: «Эмигранты стремились сохранить у детей знание традиционной русской культуры и привить навыки, которые позволили бы им играть соиздательную роль в будущей освобожденной России. Все усилия, предпринимавшиеся Русским зарубежьем в области образования, были нацелены на выполнение этой двойной задачи» [5, с. 66]. Основная цель системы образования, по его мнению, состояла в сохранении русского самосознания. Раев, используя сведения из книги Зеньковского «Дети эмиграции», приводит статистические данные о количестве эмигрантских начальных и средних школ: «В 1924 г. насчитывалось 90 таких школ, в которых было 8835 приходящих учеников и 4954 учащихся на полном пансионе. Эти цифры охватывают примерно 20 % всех детей школьного возраста в эмиграции» [5, с. 67].

В Российском зарубежье в крупных культурных центрах существовали учебные заведения трех ступеней: начальные, средние, высшие. В небольших колониях были лишь начальные школы. Образцом средних школ была старая русская гимназия, предпочтение отдавалось гуманитарным наукам, религиозному воспитанию, основанному на духовных и исторических аспектах православия. Аттестаты, выдаваемые русскими школами (как и вузовские дипломы), признавались местными властями. Поэтому в учебные планы русских школ включались основные предметы школ стран обитания. В 1930-х гг. большая часть детей-эмигрантов обучалась в местных средних и высших школах.

Цель высших учебных заведений, созданных российской эмиграцией, была идентична цели средних школ: подготовка студентов к будущей активной деятельности в освобожденной России. Вместе с тем вузы давали возможность русским ученым продолжить свою педагогическую деятельность. Со временем эта творческая работа угасала по ряду объективных причин, в том числе из-за финансовых трудностей в подготовке молодых научных кадров в русских вузах, а также включения того небольшого числа молодых ученых в работу западных научных учреждений и их ассимиляции.

В постановке образования за рубежом решающую роль играли такие эмигрантские общественные организации, как Объединение российских земских и городских деятелей, Всероссийский союз городов, Комитет русских эмигрантов, Объединение русских учительских организаций, педагогические бюро по делам средней и низшей школы, Союз русских педагогов средней и высшей школы в Чехословацкой республике, Союз русских академических организаций, Центральный комитет по обеспечению высшего образования русского юношества за границей (так называемый «Федоровский комитет» в Париже) и другие организации.

В деле образования российским эмигрантам оказывали помощь и правительства некоторых государств, где создавалась русская диаспора. Правда, здесь, кроме доброжелательности, сочувствия беженцам, проявлялись и чисто прагматические мотивы. Одним из них был следующий. Для научно-технического прогресса, охватившего Запад после Первой мировой войны, были необходимы высококвалифицированные кадры. Подготовить своими силами новые кадры из молодежи коренного населения, среди которой многие, в том числе квалифицированные специалисты, погибли в войну, в ближайшем будущем таким государствам было весьма сложно. Поэтому рос-

сийская эмиграция была призвана помочь приютившим ее государствам возместить потери молодежи, создать кадровый научно-технический потенциал. Среди эмигрантов было немало научной и технической интеллигенции, которая и составила преподавательский контингент русских школ и вузов, в том числе технических. Таким образом, цель оправдывала средства.

В культурных центрах Российского зарубежья создавались различные союзы, организации, клубы научных и творческих деятелей, союзы по профессиям (инженеров, врачей, юристов и т.д.). Русские ученые продолжали за рубежом плодотворную работу. Об этом свидетельствуют «Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом», опубликованные Русским научным институтом в Белграде в 1931 г. В них отмечается, что только в области гуманитарных наук в 1920-х гг. российская эмиграция насчитывала 7038 научных трудов. Большая часть из них вышла в основных центрах – в Париже, Берлине, Праге, Белграде.

Об огромной интеллектуальной работе деятелей русской науки и культуры свидетельствуют и такие данные. «Только в 1925 г. в разных странах мира было зарегистрировано 364 периодических изданий на русском языке. По другим подсчетам за период с 1918 по 1932 г. увидели свет 1005 наименований русских эмигрантских журналов» [3, с. 15]. Печатное слово объединяло разбросанных по многим странам российских эмигрантов, укрепляло их национальное самосознание. Газеты, журналы и книги были самым результативным средством в достижении этой цели. Кроме того, издательское дело способствовало продолжению творческой деятельности русских изгнанников, развитию их интеллектуальной, культурной жизни за пределами Отчизны.

Плодотворно трудилась за рубежом и творческая интеллигенция. М. Назаров, ссылаясь на Фолькмана, пишет, цитируя его: «Просто поразительно, какой духовной творческой силой обладали эмигранты, несмотря на политические и социальные трудности. В этом можно видеть еще одно доказательство того, что в эмиграцию ушла значительная часть русского образованного слоя. Уже тот факт, что с 1917 по 1924 г. было издано около 1450 произведений художественной литературы, показывает, как велик был круг заинтересованных» [4, с. 30].

Большой вклад в отечественную культуру внесли русские зарубежные композиторы, певцы, драматические артисты, музыканты, балетная школа, художники. Неповторимая архитектура русских православных храмов во Франции, Чехии, Болгарии, Югославии, которые были духовной обителью русской эмиграции, до сих пор привлекают к себе внимание. В храмах встречались и друзья, и бывшие недоброжелатели, чтобы приобщиться к вере и национальной идее – спасению России.

В начале 1920-х гг. крупнейшим культурным центром Российского зарубежья становится Берлин. Здесь сосредоточились наиболее известные в России научные кадры в области общественной мысли, издатели, писатели, журналисты, музыканты, артисты, художники. В Берлине активно развивалось русское книгоиздание. По разным данным, к 1924 г. в столице действовало от 40 до 87 эмигрантских издательств. Среди них выделялось несколько откровенно правых, в частности, «Медный всадник», в котором генерал П.Н. Врангель опубликовал свои «Записки». При его участии здесь издавались сборники воспоминаний «Белое дело». В Берлине выходило несколько ежедневных газет: «Голос России», «Руль», «Накануне», коммунистическая газета «Новый мир», издаваемая советским полпредством. Издавались журналы: «Жизнь» под редакцией В.Б. Станкевича, «Новая русская книга», «Социалистический вестник», «Заря» – орган правых меньшевиков-плехановцев, «Рабочий путь» – орган русских анархо-синдикалистов, «Русская правда» – национал-монархический орган под редакцией С. Соколова и П.Н. Краснова. Таким образом, политическая периодика в эмиграции была представлена от монархистов «справа» до анархистов «слева», а литературно-художественные журналы – от «Жар птицы» – органа группы «Мир искусства», редактируемого С. Черным, до журнала конструктивистов «Вещь» под редакцией Эля Лисицкого.

В германской столице эмигрантами были созданы различные научно-исследовательские учреждения и общественные организации: русская академическая

группа, Свободная духовная и философская академия, Русское научно-философское общество, Русский научный институт, Союз журналистов и литераторов, Общество русских инженеров в Германии, Общество русских врачей, Экономический кабинет.

В Берлине существовали два писательских объединения – «Клуб писателей» и «Дом искусств». Клуб был создан в 1922 г. представителями старшего поколения писателей-эмигрантов. Кроме них, в клубе часто выступали писатели и деятели искусств из Советской России. В те годы еще не было «железного занавеса», и приезжавшие из России писатели, актеры, художники свободно общались с эмигрантами по родственным профессиям. «Дом искусства» был основан в 1921 г. по аналогии с петербургским. Наряду с писателями-эмигрантами, в нем выступали приезжавшие из Москвы Б.Л. Пастернак, Б.А. Пильняк, С.А. Есенин, В.В. Маяковский. Здесь проводились дискуссии, чтения, выставки и т.п.

В Германии были открыты две русские гимназии. Первая была основана Русской академической группой в 1921 г., занятия в ней проводились во второй половине дня в помещении немецкой частной школы. Второй гимназией в Берлине была школа св. Георгия, созданная по образцу немецких училищ в Петербурге пастором И.А. Мазингом, которая, кроме классического отделения, имела коммерческое и интернат. Ученики, окончившие эти гимназии, могли поступить в высшие учебные заведения Германии. В Берлине работала начальная школа для детей бедных эмигрантов.

В 1920-х гг. в Берлине было три постоянных русских театра: «Русский романтический балет» (руководитель Б.Г. Романов), «Синяя птица» (руководитель Яков Южный), «Ванька-Встанька». Театр «Синяя птица» по своему стилю и репертуару был похож на «Летучую мышь» Никиты Беляева. В этом театре выступал знаменитый эстрадный куплетист Виктор Хенкин. Душой русского театра «Ванька-Встанька» был известный поэт Н.Я. Агнивцев, автор вышедших в Берлине стихотворных сборников «Мои песенки» и «Блистательный Санкт-Петербург». Из драматических театральных постановок в Берлине более заметными стали выступления так называемой «пражской труппы» артистов МХТ, не возвратившихся в СССР. Среди них – Михаил Чехов, Варвара и Лев Булгаковы, Николай Колин, Вера Греч.

На высоком уровне была также музыкальная жизнь «русского» Берлина. Здесь появлялись известные композиторы Н.К. Метнер, А.К. Глазунов, А.Т. Гречанинов, дирижеры Э.А. Купер, Ю.Н. Померанцев. Концертировали пианисты А.К. Боровский, А.И. Зилоти. В Берлине выступали известная камерная певица Полина Доберт, баритон Большого театра Г.В. Бакланов, знаменитый тенор Д.А. Смирнов, приезжал Ф.И. Шаляпин. Благодаря таким певцам, как Зинаида Юрьевская, ставшая певицей немецкой оперы, и Дмитрий Смирнов на немецкой сцене появились русские оперы «Евгений Онегин», «Борис Годунов», «Царская невеста».

В Берлине часто устраивались персональные выставки живших там русских художников, например, Ивана Пуни, Георгия Лукомского, Эля Лисицкого, Павла Челищева, Василия Кандинского. Выставлялись в германской столице картины Марка Шагала, Марианны Веревкиной, Алексея Явленского. Большинство из этих русских художников было сторонниками беспредметного искусства и полупредметного символизма.

Берлин оставался центром Российского зарубежья до начала второй половины 1920-х гг. В результате тяжелейшего экономического кризиса, который поразил Германию, русская интеллигенция начала покидать Берлин. Русские театры закрылись, научные и общественные организации прекратили свое существование. Столица Российского зарубежья переместилась во Францию, в Париж, часть эмигрантов переехала в Чехословакию.

Сегодня в Берлине также издаются русские газеты, есть русское телевидение и радиопередачи, сеть русских магазинов, где можно купить все, что типично для русской национальной кухни, есть «Русский дом» – центр русской культуры, а также шесть русских детских садов, куда с большим удовольствием ходят также и немецкие дети, чтобы приобщиться к русской культуре. Однако в деле сохранения русской культуры можно выделить ряд определенных проблем, наиболее важной и заметной

из которых является сохранение русского языка. Сегодняшние эмигранты, представители четвертой волны эмиграции из России, преимущественно выезжали в Европу (особенно в Германию) не зная языка принимающей их страны, поэтому основной задачей для них на первом этапе адаптации является изучение языка. Необходимость быстрого овладения языковыми навыками побуждает многих русских эмигрантов говорить на смеси русского языка со словами из языка их новой страны проживания. Присутствие чужих слов в русскоязычной речи было также характерно и для речи эмигрантов первой волны, однако здесь также имеются определенного рода различия.

Эмигранты I волны часто используют слова отвлеченной семантики, такого рода, как *responsabilité* (ответственность), *personality* (личность) и обычно употребляют иноязычные слова тогда, когда русское слово забыто или неизвестно. Таким образом, эмигранты I волны используют иноязычные вставки не потому, что они хотят употребить «чужое» слово в своей речи, а потому, что утратили достаточную компетентность: они уже забыли русский эквивалент, тогда как новоприезжие еще не успели забыть русские слова, но используют иностранные слова по рефлексорной «языковой лени», экономя речевые ресурсы, а также для «шику» или для того, чтобы показать свою приобщенность к новой жизни.

Среди заимствований в языке эмигрантов наиболее значительную группу составляют имена существительные. За ними следуют разного рода этикетные слова и реплики-реакции. Прилагательные и глаголы менее употребительны, и в их употреблении есть существенные различия. Прилагательные могут употребляться и в том виде, как они существуют в языке-источнике, т.е. как неизменяемые слова, и как слова изменяемые. Глаголы всегда имеют спрягаемую форму. Неизменяемых иноязычных глаголов нет. Глаголы, как правило, создают только эмигранты IV волны. Наличие в речи эмигрантов IV волны немалого числа иноязычных глаголов – характерная особенность новейшего этапа жизни русского языка за рубежом.

Попадая в чужую страну, эмигрант сталкивается с множеством официальных установок, правил, распоряжений. Их названия не переводятся. Особо следует выделить наименования некоторых обычаев, этикетных стандартов, относящихся к сфере общественной жизни и быта. Номинации этого рода высокочастотны и имеют большую коммуникативную значимость во многих странах. К числу таких понятий относится *заранее условленная деловая встреча*, которая обозначается в англ. *appointment*, в нем. *Termin*. В русском нет однословного аналога наименования этого понятия. Слово *свидание* (как и *рандеву*) относится к сугубо частной сфере, слово *встреча* обладает слишком общим значением, *деловая встреча* – произносится длинно и не указывает на важный компонент «*договоренность*». Названные выше иноязычные слова именуют всевозможные виды встреч: *аппоинтмент* и *термин* могут быть у врача, парикмахера, научного руководителя, квартирной хозяйки, соседа.

Таким образом, процесс ассимиляции иноязычных слов, т.е. «чужих» слов в лексиконе русскоговорящего носителя за рубежом, демонстрирует поэтапные преобразования стандарта русскоязычной речи в метрополии. Первоначально инородные, «чужие» структурные и семантические элементы и слова находят применение в повседневной речи русскоговорящего носителя, поочередно меняя статус «чужого» на «другое», а потом – «другого» на «свое», что способствует формированию особой речевой подсистемы, размывающей лингвистические грани между «чужим» и «своим».

Список литературы

1. Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия / П. Е. Ковалевский. – Париж, 1971. – С. 59–60.
2. Лосский Н. О. История русской философии / Н. О. Лосский. – М. : Высшая школа, 1991. – С. 19.
3. Матюхин П. Легко ли быть русским на чужбине? / П. Матюхин // Голос Родины. – 1990. – № 28. – С. 15.
4. Назаров М. Миссия русской эмиграции / М. Назаров. – Ставрополь, 1992. – С. 30.
5. Раев Марк. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919–1939 / Раев Марк. – М. : Прогресс-академия, 1994. – С. 66.